

А. А. ТУРИЛОВ

Slavia Cyrillomethodiana:

Источниковедение истории и культуры
южных славян и Древней Руси

Межславянские культурные связи
эпохи средневековья

УДК 94(100)
ББК 63.3(2)41
Т 86

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы*

Отв. редактор:
член-корреспондент РАН, д. и. н. *Б. Н. Флоря*

Рецензенты:
д. ф. н. *Н. Н. Запольская*;
д. ф. н. *Е. Л. Конявская*

Утверждено к печати
Ученым советом Института славяноведения РАН

Турилов А. А.

Т 86 *Slavia Cyrillomethodiana: Источниковедение истории и культуры южных славян и Древней Руси. Межславянские культурные связи эпохи средневековья.* — М.: Знак, 2010. — 488 с.

ISBN 978-5-9551-0450-8

Книга представляет собой сборник статей по истории средневековой культуры православных славянских стран, связанных общностью книжно-письменной традиции, восходящей к эпохе Кирилла и Мефодия. В работах, входящих в сборник, на большом фактическом материале (во многом представляющем результаты собственных разысканий автора) рассматривается судьба кирилло-мефодиевского наследия в разных странах и регионах славянского мира с X по XVI в., ее общие черты, специфика и закономерности трансформации. Особое внимание уделено в книге межславянским культурным связям, их причинам, ходу и механизмам осуществления в периоды сближения национально-региональных традиций на рубеже XII—XIII («первое восточнославянское влияние») и в XIV—XV вв. («второе южнославянское влияние»). Книга представляет интерес для широкого круга историков, лингвистов, литературоведов и богословов.

ББК 63.3

*На переплете: Кирилл и Мефодий с учениками.
Фреска монастыря святого Наума Охридского (Македония)*

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0450-8

© А. А. Турилов, 2010
© Знак, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

I. Древнейшие межславянские культурные связи и судьбы кирилло-мефодиевского наследия в национально-региональных традициях

Древнерусская культура в контексте средневековых славянских (на материале книжности): Вместо предисловия	9
Судьба древнейших славянских литературных памятников в средневековых национально-региональных традициях	18
Болгарские литературные памятники эпохи Первого царства в книжности Московской Руси XV—XVI вв. (заметки к оценке явления)	39
К уточнению объема и состава древнейшего славянского оригинального гимнографического корпуса в древнерусской традиции (на материале минейных служб).	65
К определению объема творческого наследия учеников Кирилла и Мефодия в составе славянского Требника (Предварительные наблюдения над южнославянской рукописной и старопечатной традицией)	85
Роль сербской традиции в сохранении древнейших памятников славянской литературы	103

II. История и культура Болгарии IX—X вв.

Две забытые даты болгарской церковно-политической истории IX в. (К вопросу формирования болгарского варианта церковного месяцеслова в эпоху Первого царства)	117
Византийский и славянский пласты в «Сказании инокa Христодула» (К вопросу о происхождении памятника)	147
«Не где князь живет, но вне» (Болгарское общество в конце IX в. по данным «Сказания о железном кресте»).	167

III. Культурные связи Руси с южными славянами в XII—XIII вв.: «первое восточнославянское влияние»

Памятники древнерусской литературы и письменности у южных славян в XII—XIV вв. (проблемы и перспективы изучения)	181
«Поучение Моисея» и сборник игумена Спиридона (Новгородский памятник XII в. в контексте русско-южнославянских связей)	210

IV. «Второе южнославянское влияние» и русская книжная культура XIV—XV вв.

Восточнославянская книжная культура конца XIV — XV в. и «второе южнославянское влияние»	235
К вопросу о сербском компоненте во «втором южнославянском влиянии»	283
О времени и месте создания пергаменного Евангелия «Мемнона-книгописца»	304
К истории Стишного пролога на Руси в XIV—XV вв.	340
К вопросу периодизации русско-южнославянских литературных связей XV — начала XVI в.	350
Addenda et corrigenda	361
Южнославянские памятники в литературе и книжности Литовской и Московской Руси XV — первой половины XVI в.: парадоксы истории и географии культурных связей	365
Критерии определения славяно-молдавских рукописей XV—XVI вв.	410
Первые публикации статей	439
Указатель шифров рукописей, упоминаемых в издании	442
Указатель географических названий	463
Именной указатель	469

ДРЕВНЕРУССКАЯ КУЛЬТУРА
В КОНТЕКСТЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ СЛАВЯНСКИХ
(на материале книжности)

Вместо предисловия

Древнерусская книжная культура XI—XVI вв. (для последних полутора столетий следует говорить уже о двух ее вариантах — великорусском («московском») и украинско-белорусском) при сопоставлении с книжно-литературной традицией других славянских стран вполне может быть охарактеризована как культура-хранительница или культура-наследница. Такое определение не относится к оценке оригинального древнерусского литературного наследия (безусловно, одного из самых обширных, если не самого обширного в славянском мире), а касается, естественно, только круга памятников, общего для всех (либо значительной части) средневековых славянских литератур. Функция сохранения памятников предшествующих эпох (при этом относящихся не только к собственной традиции) в значительной мере свойственна всем славянским литературам, восходящим к кирилло-мефодиевскому наследию¹, но, пожалуй, именно на древнерусском материале она особенно заметна. Здесь при развитой оригинальной литературе степень сохранности заимствованных памятников значительно выше, а круг их порой заметно шире, чем в литературах, их породивших. Излишне напоминать, что без обращения к восточнославянской традиции невозможна сколь-либо полноценная реконструкция древнейших славянских литератур — Великой Моравии (вторая половина IX в.), Первого Болгарского царства (последняя четверть IX — вторая половина X в.), Чехии (X—XI вв.). Для болгарской и сербской литератур XIII—XV вв. роль русской традиции заметно более скромна, но вполне сопоставима (особенно в отношении болгарской) с ролью национальных традиций². Число примеров сохра-

нения древнерусских памятников (оригинальных и переводных) в южнославянской книжной традиции, при всем историко-культурном значении этого феномена, существенно меньше как по количеству памятников, так и по количеству их списков³. И эту ситуацию явно нельзя объяснить только лучшими культурно-историческими условиями на Руси для сохранения славянского книжного наследия, хотя этот момент, бесспорно, играет определенную роль.

Древняя Русь вошла в культурный ареал *Slavia cyrillomethodiana*⁴ одной из последних стран — с принятием христианства в конце X в. Позже (в XIV столетии) в него (точнее, уже в *Slavia orthodoxa*) вошли лишь Валахия и Молдавия — страны с неславянским (романским) населением, но использовавшие в течение столетий (вплоть до XVII в.) церковнославянский язык в качестве языка письменности (кириллической) и богослужения. Поэтому на раннем этапе (X—XI вв.) культурные связи с другими странами ареала носили характер усвоения их наследия — Великой Моравии (через болгарское и чешское посредство), Первого Болгарского царства и Чехии. Само усвоение было по преимуществу *постумным*, поскольку Болгария была завоевана Византией в период крещения Руси и в ближайшие десятилетия вслед за этим событием (Западноболгарское царство *комитопулов* прекратило существование в 1018 г.), а в культуре Чехии XI в. кирилло-мефодиевская струя была лишь одной из традиций (наряду с латинской), и к тому же доживала последние десятилетия⁵. Во многом сходная ситуация сложилась и в эпоху «второго южнославянского влияния» (последняя четверть XIV — первая половина XV в.), когда Русь после длительного перерыва в культурных контактах с южными славянами (во многом вызванного татаро-монгольским завоеванием и последующим владычеством) усваивала и осваивала результаты переводного и оригинального творчества болгарских и сербских книжников конца XIII — раннего XV в.⁶ Хронологически это «влияние» совпало с завоеванием Болгарии османами и с последними десятилетиями полунезависимого существования (и культурного подъема) сербского деспотата (окончательно завоеванного в 1459 г.). При этом, несмотря на возможность более продолжительных контактов с Сербией, восточнославянская книжность в это время явно отражает ориентацию на среднеболгарскую традицию, что особенно заметно в орфографии⁷.

В целом *постумный* характер связей (наследование) является в силу исторических причин для ареала *Slavia cyrillomethodiana* скорее правилом, чем исключением. Болгария, Чехия, Хорватия и отчасти,

вероятно, Сербия выступают в конце IX в. наследниками литературной традиции Великой Моравии, разгромленной венграми. Позднее Второе Болгарское царство, Сербия и Хорватия оказываются (наряду с Киевской Русью) преемниками традиции Первого царства. Гораздо менее известно о синхронных культурных связях — свидетельства о них сохранились преимущественно для стран Балканского полуострова: Болгарии и Сербии.

В условиях неустойчивости территории и границ культурного ареала представление о его единстве и преемственности традиции обеспечиваются единством литературного (богослужебного) языка и наличием на этом языке корпуса текстов, общего для стран этого ареала. Этот корпус, определяемый исследователями как «пласт-посредник»⁸, либо ядро системы славянских литератур⁹, включает переводные (основу составляют литургические) и оригинальные тексты общехристианской (позднее — общеправославной) тематики.

Сам факт существования такого корпуса очевиден (и именно в его рамках наиболее интенсивно осуществлялся в Средневековье и раннее Новое время межславянский культурный обмен)¹⁰, однако конкретный его состав нуждается в уточнениях. Внутри корпуса можно выделить три категории памятников:

1. Тексты, реально представленные (целиком или фрагментарно) в древнерусской и южнославянской (хотя бы в одной из ее ветвей — болгарской или сербской) традициях¹¹.
2. Тексты, исторически несомненно присутствовавшие во всех ветвях традиции, но реально сохранившиеся лишь в одной из них (примеры: пространное житие Мефодия Моравского, «Закон судный людем», сборник слов против ариан Афанасия Александрийского в переводе Константина Преславского, «Диалоги» Псевдокесария («Вопросы Сильвестра и ответы Антония»), «Енхиридион» Эпиктета в обработке Максима Исповедника и другие).
3. Тексты, которые по своему характеру относятся к общему корпусу, но не известны за пределами одной (восточно- или южнославянской) ветви традиции (примеры: седмичные поучения Григория Философа¹², «Шестоднев Иакова, брата Господня»¹³, четьи тексты для минеи Общей¹⁴, поучения Феодосия Печерского, цикл триодных поучений Кирилла Туровского и другие).

Разумеется, для двух последних категорий абсолютно преобладают примеры из восточнославянской рукописной традиции.

Картина разницы в объеме и составе «пласта-посредника» в литературе восточных и южных славян тем более показательна, что на конец XII — первую половину XIII в. приходится период заметного оживления отношений между Русью и южными славянами («первое восточнославянское влияние») ¹⁵, обусловленный возрождением болгарской и сербской книжной традиции после длительного периода византийского владычества. При этом (довольно редкий случай для истории русско-южнославянских культурных контактов) он приходится на время существования независимых государств у всех трех народов. В этой ситуации особенно нагляден феномен «невозвращения» на славянские Балканы известных там в древнейшую эпоху литературных памятников Великой Моравии и Первого царства (хотя с точки зрения чистой логики трудно объяснить и факт отсутствия в литературах южных славян триодных поучений Кирилла Туровского ¹⁶ при огромной популярности на Руси в XV в. таких же поучений Григория Цамблака).

Причину этой разницы следует искать прежде всего в характере и обстоятельствах русско-южнославянских культурных связей. На протяжении всего средневековья они не носили государственного характера ¹⁷, и даже интерес восточных и южных славян к государственной истории соплеменников вплоть до XVI в. был минимальным, если не сказать нулевым. Русские летописи молчат о славянах на Балканах после походов Святослава, даже трагические события турецкого завоевания Болгарии и Сербии почти не нашли отклика у летописцев XIV—XV вв. Когда же на Балканы попал текст Русского хронографа, то сербские книжники XVI в. удалили из него русские сюжеты, сохранив лишь балканский материал ¹⁸. Но и церковные (по преимуществу монашеские) связи до конца XV в. не были прямыми ¹⁹ (в этом смысле даже пребывание во главе киевской митрополии в конце XIV — первой четверти XV в. архиепископов-болгар — Киприана и Григория Цамблака практически не влияет на ситуацию), а осуществлялись на невысоком, полуофициальном и неофициальном уровне в столице «византийского содружества» — Константинополе, либо в одном из традиционных интернациональных монашеских центров (Иерусалим, Синай, Афон) ²⁰. Среди последних с рубежа XII—XIII вв. все большую роль в этом отношении играет Афон, в XIV—XV вв. его значение вполне сравнялось со значением столицы империи. Эти центры, в силу их интернационального характера, действительно представляли широкие возможности для литературного обмена, во многом зависевшего от проявления личной инициативы. Однако база для него (круг памятников) у восточных и южных славян была исходно неравной. Даже в Палестине и на Синае, где и южносла-

вянские и русские монахи были достаточно удалены от родины (и при существовании для последних, вероятно, до середины XIII в., «стационарной базы» — русского Благовещенского монастыря в Палестине, упоминаемого в житии Евфросинии Полоцкой), южнославянские рукописи (правда, более поздние — XIV в.) бесспорно преобладают²¹. Еще в большей степени ситуация должна была отличаться в Константинополе и на Афоне, в силу их близости к южнославянским землям. В распоряжении восточнославянских книжников последней четверти XIV — первой половины XV в. здесь был практически весь корпус южнославянских переводов с конца XIII в. Южнославянские книжники во второй половине XII — первой половине XIII в. находились в значительно менее выгодных условиях. Их возможности знакомства с корпусом литературных памятников, известных на Руси (в полном виде представленном, возможно, даже не во всех кафедральных книгохранилищах Киевской митрополии), ограничивались достаточно скромной библиотекой Пантелеймонова монастыря²², новыми переводами с греческого, выполненными в Константинополе и на Афоне (Пролог Константина Мокисийского, Пандекты Никона Черногорца), в работе над которыми участвовали, возможно, и русские и южнославянские книжники, и довольно случайным набором текстов в книгах, привезенных из разных городов Руси иноками и паломниками.

Заметные перемены в общеславянском литературном корпусе (и в том числе в составе его древнейшей части) наблюдаются у южных славян в поствизантийский период («второе восточнославянское влияние»), когда меняется сам характер и даже уровень связей. Поездки паломников и иноков из Московского государства и Великого княжества Литовского (позднее — Речи Посполитой) продолжают и даже становятся более частыми и регулярными. Соответственно, продолжают и вклады в монастыри Святой Горы (в том числе и книг), но до широкого распространения восточнославянского книгопечатания (конец XVI в.) они мало влияют на ситуацию. Новшеством эпохи являются монастырские и архиерейские посольства, приезжающие на Русь и в Киевскую митрополию за финансовой поддержкой и принимающие пожертвования по пути следования²³. В этих условиях возможности для знакомства южнославянских книжников с восточнославянской книжно-литературной традицией значительно расширяются. А поскольку XV и ранний XVI в. во всем восточнославянском регионе характеризуется не только «вторым южнославянским влиянием», но и возрождением в полном объеме книжной традиции, восходящей к Киевской Руси (включая и весь корпус памятников, унаследованных

от культурно-исторических предшественников)²⁴, то наблюдается несколько неожиданная на первый взгляд ситуация. Вместе с переводами и сочинениями XVI в. (акафисты Франциска Скорины²⁵, переводы Максима Грека и Селивана²⁶, канон Ангелу — грозному воеводе Парфения Уродивого²⁷, «Притча о царе-годе»²⁸ и другие) в южнославянскую книжность приходит (хотя и не в полном объеме) целый ряд памятников древнейшего периода (не позднее XIII в.)²⁹, в том числе созданных, переведенных либо бытовавших на славянских Балканах в первые века славянской письменности.

Примечания

¹ Можно было бы без труда рассмотреть этот феномен на сербском материале XII—XIV вв. (см.: *Богдановић Д.* Историја старе српске књижевности. Београд, 1980 (2-е изд. 1991). С. 119—140; ср.: *Турилов А. А.* После Климента и Наума (славянская письменность на территории Охридской архиепископии в X — первой половине XIII в.) // *Иванов С. А., Турилов А. А., Флоря Б. И.* Судьбы славянской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб., 2000 (2-е изд. 2004). С. 76—162. Либо на хорватском, где это наследие представлено до XV в. в почти стерильно чистом виде, по существу без примеси оригинальных памятников (см.: *Hercigonja E.* Srednjovekovna književnost. Zagreb, 1975).

² См.: *Турилов А. А.* Болгарские и сербские источники по средневековой истории Балкан в русской книжности конца XIV — первой четверти XVI в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980. О корпусе южнославянских переводов XIII—XV вв. в восточнославянской традиции см.: *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903 (репринт: Köln; Wien, 1989). С. 4—5, 18—23 (см. также наст. изд., с. 255—260).

³ Новейший подробный обзор корпуса памятников и списков см.: *Miklas H.* Kyrrillomethodianisches und nachkyrrillomethodianisches Erbe im ersten ostslavische Einfluß auf die südslavische Literatur // Symposium Methodianum. Neurid, 1988. S. 437—472; *Турилов А. А.* Памятники древнерусской литературы и письменности у южных славян в XII—XIV вв. // Славянские литературы // XI Международный съезд славистов. М., 1993. С. 27—42; *Павлова Р.* Восточнославянские святые в южнославянских рукописях XIII—XIV вв. Halle (Saale), 2008.

⁴ Термин, предложенный Р. Марти (*Marti R.* Slavia orthodoxa als litera- und sprachhistorisches Begriff // Исследования по славяновизантийскому и западноевропейскому средневековью (посвящается памяти Ивана Дуйчева). София, 1989. Т. 1. S. 193—200) для обозначения культурно-исторического ареала, объединяемого кирилло-мефодиевской традицией, взамен понятий *Slavia orthodoxa* и *Slavia latina*, введенных Р. Пиккио (*Picchio R.* «Prerinscimento esteuropeo» e «Rinascita slava ortodossa» // *Ricerche slavistiche.* 1958. Vol. 6. P. 185—199), обозначающих ситуацию в славянском мире скорее уже после

конфессионально-культурного раскола, оформившегося в XIII в. В аналогичном значении в исследовательской литературе употребляется также понятие *Slavia christiana* (см.: *Живов В. М.* Разыскания в области истории предьстории русской культуры. М., 2002. С. 73—169.).

⁵ О культурно-исторической ситуации в Чехии в X—XI вв. см.: *Sázava, památník staroslověnske kultury v Čechah. Praha, 1988. S. 70—116.*

⁶ См.: *Соболевский А. И.* Переводная литература...; Историографический обзор исследований по проблематике: *Станков Р.* Второто южнославянско влияние в Русия през XIV—XV в. // *Годишник на Софийския университет.* 1992. София, 1994. Т. 84. Кн. I. С. 69—106.

⁷ Интерес к сербским литературным памятникам XIII—XV вв. — при этом к житиям национальных святых — проявится в Московской Руси в конце XV — начале XVI в. (т. е. вновь в постумной форме), в первую очередь в связи с созданием Русского хронографа, для которого они послужили источником исторических сведений (см.: *Турилов А. А.* Болгарские и сербские источники...).

⁸ См.: *Naumow A.* Apokryfy w systemie literatury cerkiewnosłowiańskiej. Wrocław, 1976. S. 25—29.

⁹ *Лихачев Д. С.* Древнеславянские литературы как система // *Славянские литературы / VI Международный съезд славистов.* М., 1968. С. 5—48.

¹⁰ Памятники, не входящие в этот пласт, участвуют в литературном обмене обычно лишь в том случае, если они либо входят в макротекст устойчивого содержания (например, службы в составе служебных миней, тропари и кондаки в тропарниках, краткие жития в составе Пролога), либо являются вспомогательным текстом (предисловие или послесловие переводчика или компилятора), или входят в устойчивый конвой текста, принадлежащего к общему корпусу (подробнее см.: *Турилов А. А.* Восточнославянская книжная культура конца XIV — XV вв. и «второе южнославянское влияние» // *Древнерусское искусство: Художественная культура XIV—XV вв.* СПб., 1998. С. 322).

¹¹ Пример древнейшей чешской литературы, сохранившейся фрагментарно, и хорватской глаголической, с течением столетий все более приобретающей локальный характер, в данном случае не столь показательен.

¹² О памятнике см.: *Соболевский А. И.* Шестоднев Кирилла Философа // *ИОРЯС.* 1900. Т. 6. Кн. 2. С. 177—202; *The Edificatory Prose of Kievan Rus'.* Harvard, 1994. P. XLI—LIII.

¹³ См.: *Никольский Н. К.* Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). СПб., 1906. С. 291—296.

¹⁴ См.: *Димитров П.* Поучения на Климент Охридски // *Старобългарска литература,* 1987. Кн. 20. С. 57—86. Атрибуция здесь цикла Клименту не выдерживает критики.

¹⁵ См. примеч. 3.

¹⁶ Ранее я высказывал предположение, что этот цикл был известен болгарским книжникам, на основании орфографии списка РНБ, ОЛДП, F. 215, перв.

четверть XV в. (*Турилов*. Памятники... С. 33), однако в настоящий момент я уверен, что болгарское правописание кодекса (по крайней мере в пределах цикла) является плодом творчества русского писца.

¹⁷ В связи с этим представляется, что гипотеза Н. А. Соболевой о влиянии сербской сфрагистики на русскую в XIV в. (*Соболева Н. А.* Русские печати. М., 1991. С. 129—134) в реальности лишена каких-либо оснований.

¹⁸ См.: *Трифуновић Ђ.* Азбучник српских средњовекових књижевних појмова. Београд, 1990. С. 369—370.

¹⁹ Исключение в этом смысле (в силу географической близости) составляет, пожалуй, лишь Галицко-Волынское княжество. Показательно, что киевский митрополит Кирилл II (бывший печатник князя Даниила Романовича) в поисках Кормчей книги с толкованиями обратился в Болгарию, правда, к князю русского происхождения (*Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978. С. 139—152). Однако другими свидетельствами этих связей, кроме памятней болгарских святых (Параскевы-Петки и Иоанна Рьльского) в месяцеслове Галицкого Евангелия (ГИМ, Син. 404, дополнения второй пол. XIII в. к кодексу 1144 г.), мы не располагаем.

²⁰ *Дуйчев И. С.* Центры византийско-славянского общения и сотрудничества // ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. 19. С. 107—129.

²¹ См.: *Сперанский М. Н.* Славянская письменность XI—XVI вв. на Синае и в Палестине // ИОРЯС. Л., 1927. Т. 31. С. 43—118; *Tarnanidis I.* The Slavonic Manuscripts, discovered in 1975 at St. Catharine's Monastery on Mount Sinai. Thessaloniki, 1988.

²² По описи древнейшего русского монастыря на Афоне (Пантелеймонов основан в 1169 г.) — Ксилургу — там в 1142 г. значилось около 50 славянских («русских») книг, преимущественно богослужебных (Акты Русского на Святом Афоне монастыря св. Пантелеймона. Киев, 1873. С. 50—67).

²³ См.: *Муравьев А. Н.* Сношения России с Востоком по делам церковным. М., 1860. Ч. 1—2; *Кантерев И. Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914; *Связи России с народами Балканского полуострова / Первая половина XVII в.* М., 1990. С. 94—137.

²⁴ *Турилов А. А.* Болгарские литературные памятники эпохи Первого царства в книжности Московской Руси XV—XVI вв. (заметки к оценке явления) // Славяноведение. 1995. № 3. С. 31—45 (см. также данное изд.).

²⁵ См.: *Турилов А. А.* Новые списки гимнографических сочинений Франциска Скорины // Франциск Скорина — белорусский гуманист, просветитель, первопечатник. Минск, 1989. С. 95—96.

²⁶ *Ангелов Б.* Руско-южнославянски книжовни връзки. София, 1980. С. 84—101.

²⁷ Библиотека монастыря Хиландарь, № 348. Сборник сербский, середины XVII в. Л. 92—96 (*Богдановић Д.* Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара. Београд, 1978. С. 141).

²⁸ *Моле В.* Минијатуре једног српског рукописа из године 1648 // Споменик Српске Краљевске Академије. 1922. Књ. 44.

²⁹ См.: *Сперанский М. Н.* Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960. С. 55—103; *Адрианова-Перетц В. И.* Древнерусские литературные памятники в южнославянской письменности // ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. 19. С. 5—27; *Николова С.* Кирил Туровски в южнославянската книжнина // *Palaeobulgarica*. 1988. № 3. С. 38—51; Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 16. С. 167—171.

СУДЬБА ДРЕВНЕЙШИХ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЯХ

Между началом славянской письменности, известным по источникам (не позднее 863 г. — моравская миссия Константина-Кирилла и Мефодия), и древнейшими реально дошедшими списками сочинений и переводов на старославянском языке присутствует хронологический зазор почти в два столетия (никак не менее полутора). Лишь весьма немногие старославянские памятники («Киевские листки» и найденные в последнее время новгородские доски-церы с текстами псалмов¹) датируются ранее середины XI в. От чрезвычайно продуктивных в творческом плане периодов третьей четверти IX — первой трети X вв. (моравская миссия, распространение славянской письменности в Болгарии, «золотой век Симеона» и реформа алфавита — замена глаголицы кириллицей) в оригинале не сохранилось ни единого листка (лишь для последнего известно несколько памятников эпиграфики)². Поэтому целый ряд аспектов творчества солунских братьев, их ближайших учеников, переселившихся после смерти Мефодия в Болгарию, и даже следующего поколения славянских книжников, по всей видимости, невосстановим в принципе и может быть лишь предметом более или менее удачных спекулятивных построений (таковы, к примеру, вопросы церковного ритуала (византийский или римский), устава богослужения и набора конкретных литургических книг и текстов)³.

На протяжении второй четверти XIX — начала XX вв. в славистической науке сформировалось понятие «старославянского канона», включающего древнейшие (не позднее рубежа XI—XII вв.) глаголические и кириллические рукописи, за исключением восточнославянских⁴; на принцип отбора «канонических» памятников наряду с датировкой оказало несомненное воздействие возобладавшее ко второй половине XIX в. в славистике мнение о болгарской диалектной осно-

ве старославянского языка. «Канон» формировался преимущественно в процессе находок исследователями и путешественниками древних рукописей в монастырских хранилищах Афона, Македонии, Палестины и Синая⁵, исключение составляют Ассеманиево евангелие, Клоцев сборник и Пражские листки, уже ранее находившиеся в европейских библиотеках, а также Саввина книга и Супрасльская рукопись, еще в древности оказавшиеся на Руси. В последней трети XX в. этот «канон» существенно обогатился за счет находки Энинского апостола⁶, открытия Ватиканского кириллического палимпсеста⁷, и в особенности, конечно, за счет глаголических и кириллических рукописей, обнаруженных в 1975 г. в монастыре Св. Екатерины на Синае⁸. Рукописи «канона» имеют непреходящее значение как источник по древнейшей истории старославянского языка и старших переводов на него, однако их роль в решении целого ряда других проблем палеославистики существенно ограничена недостаточной скудостью репертуара⁹.

Исследователи и в дальнейшем не могут рассчитывать на сколько-либо существенное приращение круга древнейших (не позднее рубежа XI—XII вв.) славянских кириллических и глаголических рукописей. В ареале распространения старославянского языка в качестве литературного и богослужебного отсутствует значимый аналог папирусам, за исключением бересты, представленной исключительно восточнославянскими (и даже более узко — почти только севернорусскими) находками. Однако хотя за последнее время увеличилось число грамот с литературными текстами, они не превосходят по древности пергаменные списки тех же произведений. В целом литературный репертуар бересты сравнительно с папирусами существенно более ограничен¹⁰.

Очень мало меняет ситуацию в случае со славянской книжностью и обращение к палимпсестам (при всей безусловной важности их выявления и исследования). Число славянских палимпсестных пергаменных рукописей XI — раннего XV вв. вообще невелико. В настоящее время их учтено немногим более 50, включая небольшие (порой меньше листа) отрывки¹¹. При этом почти треть из них¹² составляют случаи, когда славянский текст является верхним, написанным по смытому греческому или латинскому. Кроме того, в восточнославянской традиции (кроме тех случаев, когда русские писцы работали на Балканах, в Палестине или на Синае) представлены в подавляющем большинстве «технические» палимпсесты¹³, в которых верхний текст современен нижнему и даже порой написан тем же писцом, представляя исправление ошибок переписчика (подобные примеры известны, впрочем, и у южных славян).

Различные национально-региональные ветви церковнославянской книжной традиции, в основу членения которых положен орфографический принцип, характеризуются различным потенциалом для восстановления ее древнейшего (до рубежа X—XI вв.) пласта. Наиболее заметную разницу в объеме и составе литературного корпуса демонстрируют два основных варианта — восточнославянский (древнерусский), восходящий к восточноболгарской (преславской) традиции Первого царства (885—970) и общий южнославянский, базирующийся на традиции западноболгарской (охридской)¹⁴. Отличия между ними заключаются в первую очередь в несравненно большей полноте восточнославянского корпуса четых текстов, в особенно не относящихся к разряду паралитургических уставных чтений. Только восточнославянскими списками представлены, например, Диалоги Псевдокесария (в славянской традиции — Вопросы Сильвестра и ответы Антония), полный текст Беседы против богумилов Козмы Пресвитера, Сказание инока Христодула («Сказание о железном кресте»), Закон судный людем обеих редакций, Номоканон архиеп. Мефодия, Номоканон 14 титулов без толкований, древнейший перевод Эклоги и «сотниц» (глав) преп. Максима Исповедника, включающий христианскую переделку «Энхиридиона» Эпиктета, Главы дьякона Агапита к императору Юстиниану (последние в составе компиляции «Книга кормчий душам и Спас»), Именник болгарских ханов, хроника Иоанна Малалы, древнейший перевод 13 и 16 слов Григория Богослова и Римского патерика, дисциплинарный Устав монастыря Иоанна Пателерийского, житие архиеп. Мефодия, преславский перевод ветхозаветных библейских книг, полный текст Златоструя обеих редакций, Слова Афанасия Александрийского против ариан, древнейший перевод Поучений аввы Дорофея, Диалоги папы Григория Великого («Римский патерик») в древнейшем переводе, Послание Афанасия, мниха Иерусалимского Панку о крестном древе, Слово Ипполита об антихристе, Слово на перенесение мощей Климента Римского, общие слова Климента Охридского и ряд поучений, Метафрастово житие Константина и Елены, похвальное слово Константину-Кириллу. Этот перечень без труда можно продолжить. Количество обратных примеров неизмеримо меньше. Здесь можно указать, пожалуй, лишь Житие Панкратия Тавроменийского, похвалу Климента Охридского 40 мученикам севастийским, полуапокрифическое Слово на Рождество Христово и «Македонский кириллический листок». Ситуация делает наиболее вероятной гипотезу о существовании крупной библиотеки в Преславе (либо пары библиотек — царской и патриаршей), не позднее

конца X — начала XI в. полностью изъятой из обращения на Балканах и отразившейся только в древнерусских списках¹⁵.

Особое место среди регионально-национальных ветвей старославянской традиции занимают словенская IX—X вв. и чешская X—XI вв. Первая из них представлена единственным памятником — Фрейзингенскими отрывками. Вторая, как можно судить даже по известным в настоящее время памятникам, в этот период была достаточно интенсивна (в особенности учитывая то обстоятельство, что на территории Чехии она не только не была единственной, но и не занимала здесь господствующего положения, сосуществуя с игравшей первую роль латинской). Однако почти все ее памятники — за исключением Пражских листков (вопрос о происхождении Киевских остается дискуссионным) — сохранились в позднейших (XIII—XVI вв.) списках хорватского либо (по преимуществу) русского происхождения¹⁶.

Вероятно, уместно ввести понятие пассивного (неактивизированного) бытования тех или иных текстов (или их группы) в определенной национальной (регионально-орфографической) традиции, когда они там сохраняются и присутствуют, но не тиражируются и не цитируются¹⁷. Как правило это характерно для периодов, неблагоприятных для культурной ситуации в целом (византийское и турецкое владычество на Балканах, эпоха татарских набегов и междоусобных войн в Болгарии во второй половине XIII в., монголо-татарское иго на Руси). Однако оно может проявляться и в периоды достаточно нейтральные и даже вполне благоприятные. В этих случаях оно является отражением определенной смены историко-культурных парадигм. Особенно показательны в этом смысле примеры, относящиеся уже к позднему Средневековью и раннему Новому времени. Такова, например, судьба древних болгарских рукописей и текстов, перенесенных в эпоху турецкого завоевания Балкан в Молдавию и Валахию (таких, к примеру, как Германов сборник 1359 г., бухарестский список Изборника царя Симеона и др.) и не оказавших по существу никакого воздействия на местную церковнославянскую книжную традицию, сложившуюся здесь в XV—XVI вв. как непосредственное продолжение тырновской середины — второй половины XIV в.¹⁸ Еще более выразительно положение ранней рукописной книги у русских старообрядцев в XVIII—XIX вв. Здесь, с одной стороны, наблюдается декларативное (почти утрированное) почтение, своеобразный культ древней книги, зримо воплощающей преемственность традиции¹⁹, с другой же — ограниченность активного корпуса текстами XVI—XVII вв. — в немалой степени старопечатными изданиями второй четверти XVII в., кануна никоновских реформ.

Южнославянский вариант, в свою очередь, делится на отдельные ветви — болгарскую (разделяющуюся на восточную и западную — македонскую) и сербскую. В значительной мере с ним связана также хорватская глаголическая традиция раннего (до XIII в.) периода, однако внутри последней древнейший славянский литературный корпус составляет лишь один из компонентов, объем и значение которого с течением времени по вполне понятным причинам все более сокращается (особенно — в силу своей ранней обособленности — в литургической сфере)²⁰. Тем не менее эта традиция — «книжность отрывков» — сохраняет важное значение «контрольного экземпляра» и «лакмусовой бумаги» при установлении древности и происхождения целого ряда конкретных памятников.

Реальное взаимоотношение ветвей южнославянской кириллической традиции дает весьма сложную и непрямую картину. В целом сербская ее ветвь и западное ответвление болгарской в XIII—XIV вв. обнаруживают между собой больше общего, чем каждая из них с восточноболгарской. Отчасти это объясняется, вероятно, и распространением сербской орфографии в скрипториях Македонии на протяжении XIV в., что в свою очередь связано с постепенным включением в 1280—1340-х гг. этой исторической области в состав сербской державы Неманичей²¹.

Значение всей совокупной южнославянской книжно-письменной традиции для реконструкции древнейшего славянского литературного корпуса существенно возросло в результате научных разысканий за последние 30—35 лет, в течение которых было открыто большинство оригинальных гимнографических сочинений, созданных учениками Константина-Кирилла и Мефодия. Архаичность набора литургических текстов в южнославянских списках XIII — раннего XIV вв. и до этого не вызывала сомнений у исследователей, дали, помимо прочего, огромный надежный конкретный (и при этом авторский — принадлежащий перу Климента и Наума Охридских и Константина Преславского) материал в масштабах, на которые прежде, казалось, невозможно было рассчитывать. По сути дела речь идет об открытии славянского варианта таких богослужебных книг, как Триодь постная, Октоих, Минеи праздничная и общая²².

Заметным хронологическим ограничителем для реконструкции древнейшего славянского книжно-литературного корпуса выступает смена богослужебного устава. Как правило, она сопровождается новыми переводами, вытесняющими из обращения старые, либо существенным редактированием последних. В наибольшей степени это

относится к распространению Иерусалимского устава взамен Студийского (XIV в.). Прежде всего эта смена сказывается на литургических и паралитургических четых текстах, в меньшей степени на тех, которые с богослужебной практикой прямо не связаны.

Восточная Болгария (Тырновское царство). Изо всех вариантов кириллической традиции собственно болгарская (восточноболгарская, «тырновская») в сохранении древнейшего литературного корпуса выглядит наиболее скудной. По сути дела, здесь можно выделить лишь очень немногие тексты и памятники. В области литургической это Жерав(н)енская Триодь (отрывки) с частью цикла трипеснцев Константина Преславского, Григоровичева (Добрианова), Драганова и Палаузовская минеи, служебная Минея ГИМ, Хлудов № 152, Октоих Томича, Октоих, переписанный писцом Пирдопского Апостола (ГИМ, собр. Хлудова, № 140). В паралитургической и нелитургической сфере это Погодинская псалтырь толковая, Германов, Лаврентьев, Севастьяновский и Мазуринский сборники, Златоуст Ягича, Синодальный список (ГИМ, Син. № 35) Шестоднева Иоанна Экзарха. Эта общая картина бедности традиции древними памятниками исторически вполне обусловлена. Здесь не стоит даже говорить о губительных последствиях турецкого завоевания и владычества, поскольку многие факторы оказали воздействие на формирование ситуации еще до культурно-исторической катастрофы последней четверти XIV в.

Вывоз преславской библиотеки в последней трети X в. и позднее существенно более суровые (по сравнению с территориями, включенными в первой четверти XI в. в состав Охридской архиепископии) условия для сохранения славянской культуры (и прежде всего — письменности) в двухвековую эпоху византийского владычества²³ не оставляли существенного выбора в ориентации местных книжников после восстановления Болгарской державы в 1180-х гг. Источником возрождения здесь славянской книжно-письменной культуры могла быть (из-за отсутствия сколь-либо заметных устойчивых культурных связей с Русью и затрудненностью на первых порах — по крайней мере до начала XIII в. — контактов с Афоном) только западноболгарская и / или сербская традиция. Однако и она была заимствована в Болгарии Асенидов далеко не в полной мере. Прежде всего бросается в глаза полное отсутствие здесь четых текстов, представленных сербскими списками XIII—XIV вв. — гомилиярия типа Торжественника Михановича, Милешевского панегирика, Хлудовского Златоуста и торжественников при Триоди, сокращения Изборника Симеона-Святослава, Пандектов Антиоха черноризца, Катехизмов Кирилла

Иерусалимского, Учительного Евангелия Константина Преславского, Беседы Козмы Пресвитера (даже в форме выборки в составе Сборника попа Драголя), большинства поучений Петра Черноризца, переводов, выполненных старцем Иоанном (жития Антония Великого и Панкратия Тавроменийского). Примечателен и крайне слабый интерес в тырновской Болгарии к культу учеников славянских апостолов. Почитание Климента и Наума Охридских (Константин Преславский явно был полностью забыт еще ранее) не приобрело в этот период общеполитического значения (как не было его, по всей видимости, и в Первом царстве), их мощи не были перенесены из Македонии в Тырнов в период, когда активно формировался новый местный пантеон по преимуществу из «национализированных» греческих святых²⁴. Пространное житие Климента, написанное охридским архиепископом Феофилактом, не было переведено на славянский, а древний славянский текст, послуживший в XI в. источником для греческого автора, был к тому времени, вероятно, уже утрачен. Впрочем, возможно, в какой-то мере распространение этих текстов (но, разумеется, не пространного жития Климента) и культов и наблюдалось в Болгарии в эпоху первых Асений (см., например, упоминание «седьмочисленников» в Синодике царя Борила²⁵ и создание краткого жития — «Успения» Мефодия²⁶), однако оно было стерто близкой по времени следующей волной неблагоприятных обстоятельств. Несомненно, однако, что это распространение не приобрело сколь-либо заметных масштабов. Если новые жития и были написаны, то они не успели до конца XIII в. войти в Пролог, уже в силу сравнительной распространенности списков служащий своеобразным гарантом их сохранности.

Во второй половине XIII в. два разномасштабных события имели для восточноболгарской книжно-письменной традиции почти одинаковые роковые последствия. Это постоянные татарские набеги вкуче с междоусобными войнами вплоть до начала XIV в.²⁷ и гибель библиотеки Зографского монастыря на Афоне в 1275 г. Масштабы набегов кочевников и период иноземного владычества были относительно невелики, если сравнивать их с Русью, но последствия, со всей очевидностью, были более сокрушительными, учитывая размеры страны и отсутствие здесь незатронутых или малозатронутых нашествием «островов», подобных Новгороду, Пскову, Смоленску или Галичу. Кроме того, следует принимать во внимание и относительную непродолжительность предшествующего благоприятного периода.

С ними вполне сопоставимо по размеру понесенной утраты уничтожение Зографской библиотеки во время попытки императора Ми-

хаила VIII Палеолога склонить Афон к церковной унии, когда в монастырском пирге сгорело, согласно свидетельству «Сказания о зографских мучениках», 193 тома²⁸ — весьма крупное по тем временам собрание, достаточное для того, чтобы вместить весь корпус известных в то время на Балканах славянских текстов, включая и пришедшие (либо вернувшиеся) с Руси. Факт гибели библиотеки (как и связанный с этим факт гибели зографских мучеников) в последнее время признается недостоверным как в болгарской историографии, так и в зарубежной болгаристике²⁹, однако недоверие к источнику носит явно спекулятивный характер. Аргументы, приводимые против достоверности сказания (поздний список³⁰, молчание о событии греческих источников), носят скорее ритуальный характер и откровенно малоубедительны. Текст памятника явно не носит заостренно полемического (антилагинского) характера, это скромный местный мартиролог, записанный по горячим следам и не получивший заметного распространения. Что же до молчания греческих нарративных источников, то это по существу их общая базовая позиция в отношении славянских обитателей Афона (будь она иной, история славянского монашества на Святой Горе не зияла бы таким числом лакун).

Ясно, что ни император Михаил VIII, ни представители духовенства, принявшие унию, не ставили перед собой задачи дескредитировать решения Лионского собора методами беспощадных религиозных войн. Упорство иноков, сохранявших верность православию и укрывшихся в башне, столкнулось с усердием наемников в исполнении приказа (извлечь строптивцев любыми средствами — буквально «выкурить» их). Пожар в библиотеке, находившейся в том же пирге, был явлением случайным и, так сказать, побочным. Но даже если признать недостоверность рассказа в дошедшем виде, факт гибели древней монастырской библиотеки не позднее начала XIV в. не вызывает сомнений. Она могла погибнуть в результате набега каталанцев в 1307 г.³¹ (хотя неясно, чем в данном случае в глазах средневекового книжника наемники Каталанской компании лучше или хуже наемников византийского императора, чтобы сваливать на вторых преступления первых). Современная библиотека Зографа (даже с учетом рукописей, вывезенных из нее в XVIII—XIX вв.) в отличие от хиландарской невелика, неполна и откровенно бедна рукописями старше середины XIV в.³² При этом подобная картина наблюдается давно — уже в середине XVII в. Арсений Суханов не нашел в здешней библиотеке ничего достойного на его взгляд внимания (все привезенные им славянские рукописи происходят из собраний сербских монастырей — Хилан-

даря и Св. Павла)³³. Малое число древних болгарских рукописей в современной зографской библиотеке и их ограниченный репертуар в других хранилищах Афона не позволяют считать, что первоначальное собрание со временем расплылось. Если признавать эту ситуацию исконной, то следует констатировать ничтожность культурного значения обители до XIV в. и ее весьма скромную роль позднее — утверждение (отнюдь не разделяемое и автором этих строк), с которым едва ли согласятся исследователи средневековой болгарской книжности, в первую очередь болгарские.

На фоне очевидного оскудения болгарской книжности к рубежу XIII—XIV вв. загадочным с точки зрения современного исследователя выглядит бросающееся в глаза невнимание восточноболгарских книжников XIV в. к несравненно более богатой сербской традиции. Это относится как к новым переводам литургических книг, аскетических и полемических сочинений, выполненных сербскими книжниками в своей стране и в особенности на Афоне, так и к сербским спискам древнейших болгарских (и великоморавских) сочинений и переводов. Можно быть уверенным, что собственно орфографический барьер не играл здесь существенной роли: известно, что западноболгарские книжники преодолевали его без труда, результатом чего явилось массовое распространение сербской (рашской) орфографии в продукции славянских скрипториев Македонии XIV в. Особенности графики ряда болгарских и сербских рукописей XIV в. (написанных почерками, которые могут быть охарактеризованы как ранний вариант тырновского литургического полуустава) дают все основания полагать, что их писцы проходили выучку в самом тесном контакте друг с другом (вероятнее всего, на Афоне). Ряд каллиграфов-профессионалов явно мог безболезненно переходить с одной орфографической системы на другую, и если атрибуции одному писцу рукописей с разным правописанием безоговорочно признаются не всеми исследователями³⁴, то сами споры по этому поводу наглядно свидетельствуют о теснейших контактах болгарских и сербских книжников. В свете этого неиспользование болгарскими книжниками мощного потенциала сербской традиции может иметь несколько объяснений. Одно из них заключается в отсутствии либо недостатке у них информации о корпусе древнейших болгарских сочинений, расплывленном между библиотеками сербской архиепископии и отдельных епископских кафедр, располагавшихся в крупнейших монастырях. Здесь можно было бы сослаться на русскую аналогию XV в., когда полноценное использование богатейших новгородских книжных собраний

(о которых книжникам других регионов несомненно было известно лучше, чем болгарам о сербских), включавших и многие древнеболгарские памятники, в общерусском масштабе стало возможно лишь с поставлением в местные архиепископы москвича Геннадия Гонозова³⁵. Версия представляется, однако, не слишком вероятной, поскольку основные книжные связи между тырновской Болгарией и Сербией осуществлялись в средневековье, по всей вероятности, в основном не напрямую, а через посредство Афона, где находился Хиландарь с его книжными богатствами, вполне сопоставимыми с фондом архиепископии, если не превышающими последний. Не исключено поэтому, что главным (и одновременно мнимым) препятствием для возвращения текстов древнейшего литературного корпуса в традицию Второго Болгарского царства через сербское посредство было формирование в среде болгарских книжников представления о несовершенстве или неисправности книг, написанных по сербским орфографическим нормам. В окончательном виде это мнение было сформулировано уже в первой четверти XV в. Константином Костенецким, однако устного его бытования нельзя исключать и для существенно более раннего времени. Ситуация усугублялась впридачу еще и тем, что сербские списки древнейших болгарских сочинений, в отличие от русских, восходили, по всей видимости, к неофициальным экземплярам. Во всяком случае все они (за исключением Шестоднева Иоанна Экзарха) лишены указаний на свою связь с Болгарией эпохи Первого царства — копий записей писцов с исторической информацией, известных по русским рукописям (преимущественно XV—XVI вв.) — и в этом трудно видеть злой умысел сербских переписчиков. Многочисленные именные и текстовые акrostихи, открытые за последнее время в древнейших памятниках славянской гимнографии (даже если допустить, что о их существовании догадывались позднейшие переписчики) также по существу лишены исторической информации. В сочетании с общеславянским пафосом литературного наследия учеников Кирилла и Мефодия (в котором, в частности, отсутствует даже понятие «болгарский язык» — есть лишь «словенский») это могло создавать ситуацию (парадоксальную с точки зрения современного исследователя), когда древнейшие тексты, созданные в Болгарии, могли просто не восприниматься книжниками Второго царства как таковые.

Македония. Развести между собою собственно сербскую и македонскую традиции для XIII—XV вв. по некоторым параметрам очень непросто. Определенную роль здесь с древности играл фактор языко-

вого пограничья (ряд сербизмов исследователи отмечают уже в старославянском Мариинском Евангелии³⁶), и в монастырских скрипториях могли сотрудничать представители разных правописных школ. Кроме того, болгарская орфография могла оставаться престижной в этот период (или хотя бы до середины XIV в.) по крайней мере для части сербских писцов (достаточно напомнить здесь такие известные рукописи, как Берлинский сборник или сборник РГБ, собр. А. Н. Попова, № 93.1–2). Наконец, как уже отмечено выше, по мере включения македонских территорий в состав державы Неманичей (последняя четверть XIII — середина XIV в.) сербское правописание широко распространяется и на них. Поэтому для характеристики македонских скрипториев уместно привлекать (в том случае, если их локализация надежно засвидетельствована) и рукописи с сербской орфографией (тем более что это нимало не сказывается на картине собственно сербской традиции). В целом корпус древнейших славянских книжно-литературных памятников представлен в западноболгарской (македонской) традиции XIII—XV вв. довольно односторонне. Среди относящихся к нему сохранившихся рукописей этого времени здесь преобладают литургические, а небогослужebные представлены считанными единицами (Болонская псалтырь 1230—1241 г., Лесновский Паренесис 1353 г., Лествица XIII в. ГИМ, собр. Щукина, № 921, а также малые агиографические тексты — древнейшие проложные жития Климента и Наума Охридских). Скудость репертуара весьма напоминает ситуацию в Болгарии XVI—XVII вв. в эпоху турецкого владычества, с ее абсолютным преобладанием литургических и небольшого набора четых паралитургических книг, и имеет, вероятно, ту же причину — отсутствие самостоятельной церковной организации со славянским богослужением в сочетании с отсутствием государственности. Для нужд приходов и малых монастырей было достаточно и существующего книжного репертуара. Правда, в Македонии положение компенсировалось возможностью заимствовать книги, переписанные в соседней Сербии по рашской орфографии, поскольку вопрос правописного пуризма не стоял здесь так остро, как в тырновской Болгарии. Однако, по крайней мере в отношении памятников славянской гимнографии конца IX—X вв., ситуация децентрализации и некоторой маргинальности региона во многом способствовала их сохранению. По крайней мере до конца XIII в. западноболгарские рукописи не были затронуты, в отличие от сербских, последствиями распространения в богослужebной практике с начала этого столетия Евергетидского устава (см. ниже в связи с Сербии-

ей), поэтому связанное с ним редактирование (сокращение) текстов их почти не коснулось. Этим можно объяснить появление в начале XIII в. уникального по сохранности цикла песнопений Константина Преславского списка Битольской Триоди³⁷ и высокую степень сохранности славянских песнопений Октоиха в местных рукописях. В отношении минейных служб картина, быть может, не так выразительна, но и здесь присутствуют такие уники и раритеты, как службы Минеи общей, созданные Климентом Охридским, и служба на его усение, написанная учеником «славянского Златоуста» (оба памятника в одной рукописи — НБКМ, 122 — 1435 г.).

Сербия. Самые благоприятные исторические условия для сохранения древнейших церковнославянских текстов из всех регионов Балканского полуострова в период Средневековья сложились в Сербии, при том что собственно сербская письменная традиция надежно прослеживается лишь с последней четверти XII в. Почти все южнославянские списки XIII—XIV вв. древнейших небогослужебных памятников сербские по происхождению (см. выше), ситуация в отношении гимнографических текстов более уравновешена, однако и здесь трудно говорить о бесспорном приоритете болгарской традиции в любом из ее вариантов. Лучшей сохранности древнейшего литературного корпуса именно в Сербии способствовал на протяжении столетий целый ряд обстоятельств. Прежде всего это достаточно стабильная внутри- и внешнеполитическая ситуация на протяжении конца XII — середины XIV вв., отсутствие продолжительных военных столкновений, связанных как с иноземными нашествиями (татарские набеги во второй половине XIII в. затронули лишь северо-восточные окраины страны), так и с соперничеством местных правителей. Фактором дополнительной стабильности для сербской книжной традиции являлось и существование за пределами страны (но при этом тесно связанного с нею) Хиландарского монастыря с его исключительным по значению книжным собранием. При этом следует полагать, что корпус древнейших текстов, сохранившихся в сербских списках, был известен в этой стране не позднее рубежа XII—XIII вв., а не увеличивался постепенно — вплоть до середины XIV в. в процессе присоединения македонских территорий. На это указывает относительно небольшой круг переводов, осуществленных по инициативе и при участии первого главы сербской автокефальной церкви — св. Саввы: Евергетидский устав, организованная в соответствии с ним особая редакция Минеи праздничной и Кормчая с толкованиями, редактирование Евангелия и Апостола. В остальном,

очевидно, потребности новой кафедры и в богослужбных и в четырёх книгах были вполне удовлетворены уже имеющимся кругом текстов — в противном случае число новых переводов было бы существенно больше. Такое состояние книжного корпуса Сербии к концу правления основателя династии Неманичей отнюдь не проистекает автоматически из факта подчинения страны в прошлом церковной юрисдикции Охридской архиепископии. Славянская письменность в диоцезе архиепископов «Первой Юстинианы» ко времени возрождения сербской государственности находилась в заметном упадке³⁸ и для ее реанимации даже в масштабах отдельной епархии (Рашской) требовались значительные усилия, при этом явно не со стороны греческого епископа. При отсутствии в Сербии до 1219 г. самостоятельной церковной организации инициатором поддержания славянской книжной традиции и богослужения могли выступать лишь светские власти. И здесь возможны два в принципе равноценных варианта. С одной стороны, возрождение славянской книжной традиции могло быть результатом усилий великого жупана Стефана Немани (св. Симеона Сербского), выбравшего ориентацию на византийскую церковно-культурную традицию, но стремившегося к независимости своей державы от греческого архиепископа в Охриде. Его 30-летнее правление (1166—1196 гг.) по продолжительности вполне достаточно для осуществления подобной акции, а одним из источников пополнения книжного фонда могли быть и военные трофеи, привезенные из походов на территорию Македонии. Однако подобная ситуация могла возникать (и даже неоднократно) и в более ранний — в историко-культурном отношении абсолютно темный — период сербской истории: и в приморской Зете-Дукле в XI в. и в континентальной Рашке времени жупана Вукана I (ок. 1083 — ок. 1116 гг.). При желании, вероятно, можно найти аргументы в пользу каждого из вариантов. В целом сербская книжная традиция к рубежу XII—XIII вв. не была полной калькой с современной ей охридской, а обладала известным своеобразием. Здесь, к примеру, как и в восточноболгарских рукописях, не выявляются следы культа Климента и Наума Охридских (службы, памяти в месяцесловах), и при этом имеются, хотя и немногочисленные, свидетельства связей с книжной культурой единого Первого Болгарского царства (памяти церковных событий второй половины IX в.³⁹, цикл слов Петра Черноризца и др.)⁴⁰.

Введение в обиход сербской церкви в начале XIII в. Евергетидского устава практически не затронуло гомилярии и нелитургические памятники, но оказало заметное воздействие на тексты богослужб-

ных книг. Перемены коснулись в первую очередь памятников славянской гимнографии, подвергшихся разного рода сокращениям с целью унификации и стандартизации. Каноны архаичного состава лишились второй песни, вышедшей из употребления в греческой гимнографии к рубежу IX—X вв., число тропарей в остальных песнях сокращалось обычно до трех. Результатом и того и другого сокращений было разрушение акростихов в канонах, созданных учениками Кирилла и Мефодия (канон Андрею Первозванному Наума Охридского, каноны Мефодию и др., именные акростихи Климента Охридского в 9-й песни ряда канонов). Открытым остается вопрос об исключении на этом этапе из состава богослужебных книг славянских текстов (канонов, циклов стихир) целиком⁴¹.

Последняя смена церковного устава в XIV в. (переход со Студийского и Евергетидского типиков на Иерусалимский), представляющая наиболее заметный ограничитель в сохранении памятников древнейшей славянской книжно-литературной традиции, происходила в рассмотренных регионах с разной скоростью и различной степенью интенсивности. Наиболее радикально она происходила, как уже отмечалось, в Болгарии, где завершилась в третьей четверти этого столетия, накануне турецкого завоевания. В Македонии замена шла существенно более замедленными темпами. Только этим можно объяснить переписку здесь в последней четверти XIV — первой половине XV в. праздничных Миней древнего состава (ГИМ, Хлуд. 164 — 1371—1385 гг.; София, БАН, 23 — нач. XV в.; упоминавшаяся выше НБКМ, 122, и др.). Активности процесса препятствовали, возможно, и внешние причины — турецкое завоевание региона после Марицкой битвы 1371 г. и отчасти синхронная ему византийская «реконкиста». В Сербии смена устава началась ранее всего (сам типик был переведен впервые уже к 1319 г.), но проходила более плавно и не привела (по крайней мере в течение XIV в.) к полному вытеснению из обихода корпуса более ранних небогослужебных текстов. Еще в 1380-х гг. в косовских скрипториях, недалеко от резиденции патриарха, тиражируются комплекты минейного гомилярия очень древнего состава, содержащего лишь немногие новые переводы⁴². Следует заметить, что независимо от темпов проведения и результатов реформы, для всех регионов прослеживается наличие переходного периода, на протяжении которого в богослужебных книгах древние тексты и переводы соединяются (хотя бы частично) со структурой (а в минеях и с месяцесловом) и уставными требованиями, диктуемыми новым типиком. При этом порой акти-

визируются тексты несомненно древние, но не зафиксированные более ранними списками (например, трипеснцы Константина Преславского на Успение Богоматери в болгарской Минее на август середины XIV в. — Париж, Нац. б-ка, Слав. 23)⁴³.

Русь. Восточнославянская (древнерусская) рукописная традиция древнейших славянских книжно-литературных памятников выглядит наиболее сложной в сравнении с другими региональными. Старшие из ее сохранившихся кодексов вполне синхронны входящим в собственно старославянский корпус, причем превосходят его численно и богатством репертуара. Кроме того, только в этом варианте церковнославянской традиции для XI—XII вв. (в промежутке 1057—1164 гг.) представлены точно датированные и локализованные кодексы⁴⁴. Большинство древнейших славянских текстов, дошедших в ранних русских списках (за исключением Евангелия, Апостола, Псалтыри, Паремейника), не контролируется синхронной южнославянской традицией, а значительная часть (в первую очередь это касается памятников небогослужебных) не имеет аналогий и в позднейшей (см. выше). Судя по сохранившимся роскошным русским копиям XI—XII вв. с таких же болгарских кодексов рубежа IX—X столетий (Изборник 1073 г., Учительное Евангелие Константина Преславского, Слово папы Ипполита об Антихристе), целый ряд русских списков преславских текстов восходит к официальным эталонным экземплярам дворцовой библиотеки столицы Первого царства. Поэтому говорить об их значении для реконструкции преславского книжного корпуса представляется излишним.

Открытие в последней четверти XX в. корпуса славянских гимнографических текстов и циклов, созданных учениками Кирилла и Мефодия, существенно подняло значение южнославянской традиции для этого направления исследований, но отнюдь не маргинализировало древнерусскую. Пожалуй, на этом материале особенно четко определились особенности их развития. Можно считать установленным, что на Руси не получили известности триодный цикл Константина Преславского и, по всей вероятности, гимнографические тексты, входящие в Требник (покаянный канон Климента Охридского и заупокойные стихиры Константина Преславского и анонимные азбучные). Иначе обстоит дело с Минеей праздничной и общей и Октоихом. Для Миней общей в древнерусской традиции представлен древнейший и наиболее исправный список цикла⁴⁵. Корпус славянских минейных служб здесь меньше совокупного южнославянского: отсутствуют оба канона Мефодию, канон архангелу Михаилу Кон-

стантина Преславского и анонимный — на перенесение мощей Иоанна Златоуста. Канон на Введение, трипесенцы Константина, каноны Климента на Успение и Наума апостолу Андрею известны ныне в списках, более поздних, чем южнославянские (см. ниже), однако списки остальных известных в настоящее время служб являются древнейшими во всей традиции. Вполне сопоставим между собою и сохранившийся на Руси и у южных славян объем оригинальных песнопений Октоиха.

Однако восточнославянские списки XI—XIII вв. отнюдь не охватывают всего корпуса древнейших текстов, бытовавших на Руси. Рукописная их традиция в XIV в. здесь заметно беднее. Это оскудение начинается уже со второй половины XIII в. и объясняется общим упадком русской книжной культуры в результате монголо-татарского завоевания и последующих регулярных набегов, сопровождавшихся разорением целых княжеств. Незатронутыми нашествием остались северные и северо-западные центры — Новгород, Псков, Смоленск и Полоцк, однако последние два сильно пострадали в процессе языческой литовской экспансии XIII—XIV вв. Возрождение древнейшего книжного корпуса Киевской Руси и включавшего древнейшие славянские памятники начинается на рубеже XIV—XV вв. и завершается в основном к началу следующего столетия⁴⁶. В это время в оборот оказались введены многие тексты, неизвестные в более ранних списках — как русских, так и южнославянских. Процесс возрождения проходил практически параллельно со «вторым южнославянским влиянием», с которым на Русь пришли болгарские и (в меньшей степени) сербские переводы, прямо или опосредованно связанные с распространением Иерусалимского устава⁴⁷. Смена богослужебного устава в первой половине XV в. сопровождалась здесь, как и в южнославянских странах, переходным периодом (не синхронным в отдельных регионах), во время которого также происходила временная активизация древних гимнографических текстов⁴⁸. Сочетание этих двух процессов и определило своеобразие культурной ситуации на Руси в XV — первой половине XVI в.

В заключение уместно, пожалуй, определить для каждой из ветвей традиции верхнюю хронологическую грань, за которой древнейшие памятники продолжают тиражироваться, но уже не появляется (даже в нелитургической сфере) неизвестных в предшествующее время текстов или их ранних редакций. Для тырновской Болгарии это третья четверть XIV в., для Македонии — конец XV столетия, для Сербии и Руси — XVI в.